

**Н. В.
УСПЕНСКИЙ**

Николай Васильевич Успенский

И. С. Тургенев

«Однажды Некрасов, весь обложенный журналами и газетами, лежал в цветном халате и туфлях на низеньком широком диване и просматривал какие-то корректурные листы, а я сидел за круглым столиком и читал помещенное в „Свистке“ стихотворение Добролюбова...»

**Николай Васильевич
Успенский
И. С. Тургенев**

Однажды Некрасов, весь обложенный журналами и газетами, лежал в цветном халате и туфлях на низеньком широком диване и просматривал какие-то корректурные листы, а я сидел за круглым столиком и читал помещенное в «Свистке» стихотворение Добролюбова:

*У ворот двора сквозного Бедный Вань-
ка плачет...*

– А я забыл вам сказать, Успенский, – прервал молчание Николай Алексеевич, – с вами желает познакомиться Тургенев... Он приехал из Парижа третьего дня... Если хотите, отправляйтесь к нему сейчас же... попадете как раз к обеду. Он остановился в гостинице «Демут» в Большой Конюшенной, рядом со знаменитой булочной Вебера... Там, вы увидите, около самого подъезда гостиницы висит исполинских размеров вызолоченный крендель...

Я немедленно нанял извозчика и отправился в Большую Конюшенную, стараясь запомнить существенный признак временного жилища Тургенева – вызолоченный крен-

дель.

– Как об вас прикажете доложить? – вежливо и почти робко спросил меня Захар, белокурый и симпатичный лакей Ивана Сергеевича, служащий ему около тридцати лет.

Я сказал свою фамилию.

– Проси, – услышал я мягкий голос знаменитого литературного корифея, тяжелые шаги которого раздавались в соседней комнате.

Вошедши в зал, я увидел необычайно величественную и богатырскую фигуру нашего неподражаемого беллетриста, который внезапно заключил в свои мощные длани мою руку. Хотя я и не был из числа малорослых, но должен был, подняв голову вверх, смотреть на приветливое и в высшей степени привлекательное лицо Ивана Сергеевича, причем меня немало поразило его тихий голос, который вовсе не шел к его исполинскому организму.

– Мне очень хотелось с вами познакомиться, – начал Тургенев, опускаясь в кресло, – хотя заочно я знаю вас давно, по вашим рассказам, которыми всегда запасаясь на дорогу, чтобы не скучать... Мы с вами, кажется, зем-

ляки?

– Я уроженец Тульской губернии, Ефремовского уезда.

– В Ефремовском уезде, близ села Каднова, у меня есть именье, где я, впрочем, почти никогда не бываю... Я люблю свою родину – село Спасское, на границе Чернского и Мценского уездов. У вас, я слышал, есть кто-то из родных в Чернском уезде?

– Мой дедушка, сельский дьякон...

– Представьте, ведь я его знаю... такой маленький, лысенький старичок... Раз как-то по пути из села Тургенева, где живет мой брат Николай, я со своим охотником Афанасием зашел к вашему дедушке, и он мне много интересного сообщил об одном однодворце, которого я в своем рассказе назвал Овсянниковым. Однако соловья баснями не кормят... Не хотите ли со мной обедать?

– С удовольствием.

Захар принялся готовить нам трапезу, украшая ее бутылками с вином и хрустальными вазами с фруктами.

– Вы, пожалуй, года уж три работаете у Некрасова, – наливая мне тарелку супа, заме-

тил Тургенев.

– Да.

– А хорошо он вам платит?

– Не знаю, сколько он назначит за лист...

Мы с ним не считались...

– Будьте осторожны!.. Это человек, которому, как говорится, пальца в рот не клади... Однажды он какую штуку со мной сделал? Проездом через Париж я встретил его на rue de Rivoli и спрашиваю: «Вы из Парижа куда думаете? В Питер?» – «Нет, заверну в Лондон». – «А скоро туда отправитесь?» – «Да хотел было завтра...» – «Ну вот и прекрасно! Пожалуйста, передайте моему приятелю... восемнадцать тысяч франков... а мне необходимо на днях быть во Флоренции...» Некрасов взял деньги, и мы расстались. Недели через две я приезжаю в Лондон и спрашиваю приятеля: «Получил деньги?» – «Какие?» – «От Некрасова». – «Никакого Некрасова и никаких денег я и в глаза не видал...» А этот скорбный поэт «мести и печали», как оказалось, вместо Лондона-то укатил в Петербург, где и пустил мои денежки в оборот...

– Это ужасно! – воскликнул я. – Неужели

это правда? Тургенев только добродушно усмехался и счел за лишнее отвечать на мой вопрос.

– И вот теперь Некрасов чуть не со слезами просит у меня прощения, что так коварно поступил со мной...

– Но деньги, разумеется, возвратил вам?

– Незначительную часть...

– Почему же не все?

– Ну, уж, видно, такова натура русского дельца... Теперь я ему ни одной строки своей не дам...

После обеда Иван Сергеевич прилег на диван в кабинете, где ярко пылал камин; подкладывая себе под голову подушку, он сказал:

– Ну, Успенский, расскажите что-нибудь...

– Иван Сергеевич, – начал я, согретый обедом, вином, камином и радушием великого поэта, – отчего вы все пишете про любовь?

– А что же, что же, – вдруг, приподнимаясь с дивана, возразил Тургенев, – что же, скажите мне, интереснее любви?..

– Но почему вы оставили свои бессмертные «Записки охотника», которые вас так прославили...

– Не могу, не могу! – возразил Иван Сергеевич. – Не удовлетворяют меня более эти рассказы... вот в чем дело... А вы лучше мне скажите, где это вы списали такую чудесную картину «Ночь под Светлый день»?

– Мой отец, – объяснил я, – был сельский священник, и к нему все прихожане в ожидании заутрени под Светлый день сходились со всех деревень... В зале обыкновенно помещались мелкопоместные дворяне, приказчики, дворники, в средней комнате – лакеи, сапожники, зажиточные крестьяне, а кухню заполняли мужики, разряженные парни, бабы и девки...

– У вас один недостаток, – подхватил Тургенев, – вы пишете очень мало... Где вы больше работаете? В Питере или в деревне?

– Где придется...

– Разве у вас нет никакой оседлости, любимого уголка, где бы вам весело и легко работалось?

– Нет...

– Это очень жаль... Вам бы следовало обзавестись недвижимой собственностью... Хотите, я продам вам в своем Спасском десятин

двадцать-тридцать?.. Вы себе выстроите домик и будете писать...

– Все это прекрасно, но у меня нет денег на покупку земли...

– Вздор! Мы с вами как-нибудь сочтемся...

Иван Сергеевич встал с дивана и начал размешивать в камине угли...